

СПЕТЬ СИЛУЭТУ

Совпадения... Совпадения ворвались в мою жизнь в начале семидесятых. Обычно под этим словом подразумевают всего лишь беспорядочные, никак не связанные между собой события, которые каким-то образом сочетаются друг с другом. Но на самом деле совпадение — это нечто совершенно иное. То, что должно произойти. События, которые не могут не притянуться друг к другу, словно под действием некой внеземной магнетической силы. События, которые связываются, спрядаются, а потом выстреливают, чтобы создать немыслимые прежде комбинации. Маленькие перемены, которые перерастают в мощный поток, — так совпадения и хаос дают начало новому творению. Совпадение — «божественное вмешательство», которое подталкивает нас совершить то, чему свершиться предопределено...

Тысяча девятьсот семьдесят второй. Я по-прежнему жила в Нью-Джерси с маляром, мистером С., но при этом ездила в Нью-Йорк, чтобы развеяться. Я скучала по бурной городской жизни, из которой на какое-то время выпала.

Концерты — хороший способ заводить новые знакомства. Например, я очень любила ходить на New York Dolls. Смотреть на них было одно удовольствие. Настоящая рок-группа. На них

повлияли Марк Болан, Эдди Кокран* и многие другие, и в них воплотился сам Нью-Йорк. Они были натуралы, но одевались экстравагантно. А в то время копы еще совершали налеты на гей-клубы. Расхаживая в порванной, небрежной одежде, в пачках, коже, с блеском на губах и на высоких каблуках, они выглядели раскрепощенными и гордыми.

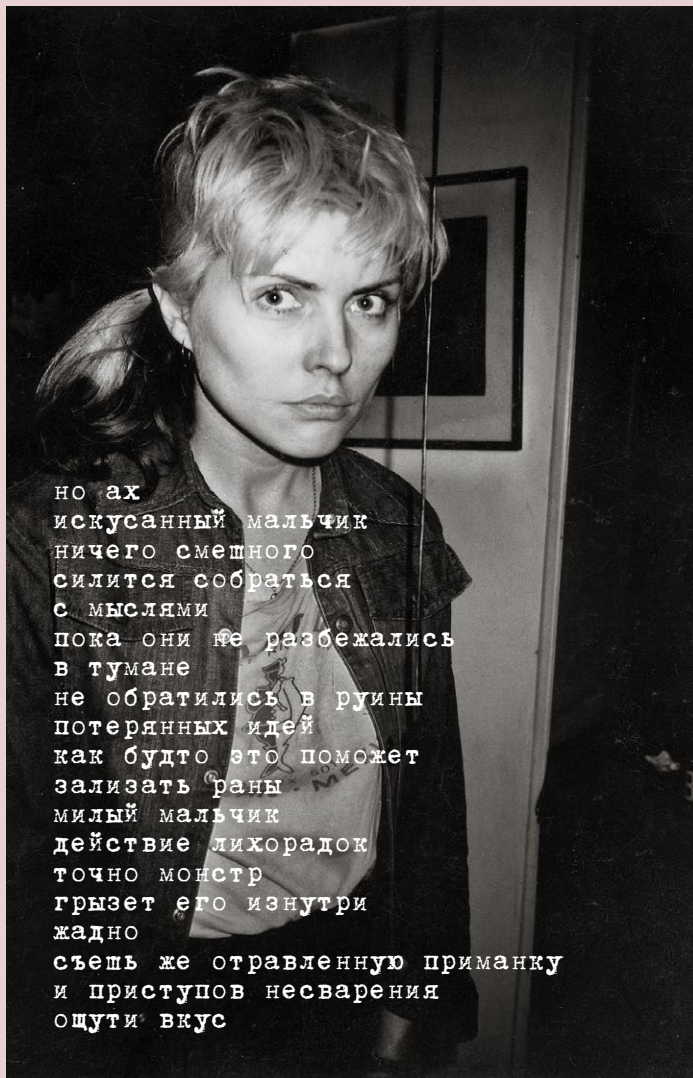
Впервые я увидела их в Центре искусств Мерсера. Запутанное здание с кучей разных комнат — его возвели как пристройку к очень запущенному, старому и обветшалому отелю Broadway Central Hotel. Центр открылся где-то в 1971 году, а закрылся меньше чем через два года, когда отель рухнул и погреб его под собой. Но в течение этого короткого времени там была своя сцена — оживленная, крутая и влиятельная. Здесь часто играл Эрик Эмерсон с The Magic Tramps. Это была первая глэм-роковая группа в Нью-Йорке. Выступали они в шикарных нарядах. Администратором и иногда басистом у них был молодой парень из Бруклина, который одно время делил жилье с Эриком, — Крис Стейн. Мы еще не были знакомы.

Тогда мне снесло крышу от Дэвида Йохансена**. Я считала его просто фантастическим. Один раз у меня было с ним свидание. Он жил с Дайаной Подлевски, которая обычно после полуночи наведывалась в «Макс». Внешность у обоих была примечательная, и они всегда выделялись из толпы.

Не помню, как именно, но я подружилась с Dolls. Поскольку почти ни у кого из этой части Нью-Йорка не было машины, я часто их подвозила. Однажды они хотели встретиться с сотрудником Rammount, отвечавшим за набор новых исполнителей, — он жил на севере штата — и пожаловались мне, что добраться туда у них нет возможности. У моего отца был большой бирюзовый «бьюик», и я его одолжила. В машину набились участники группы и кое-кто

* Марк Болан (1947–1977) — британский певец и автор песен, лидер группы T. Rex. Эдди Кокран (1938–1960) — американский певец, композитор и гитарист, один из основоположников стиля рокабилли.

** Вокалист и автор многих песен New York Dolls.

но ах
искусанный мальчик
ничего смешного
силится собраться
с мыслями
пока они не разбежались
в тумане
не обратились в руины
потерянных идей
как будто это поможет
зализать раны
милый мальчик
действие лихорадок
точно монстр
грызет его изнутри
жадно
съешь же отравленную приманку
и приступов несварения
ощути вкус

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

из их подружек — все настолько тощие, что шесть таких могли уместиться на заднем сидении, а четыре — на переднем.

В общем, машина сломалась. Папа предупреждал, что кондиционер включать нельзя — регулятор генератора был сломан. Но в тот день стояла страшная жара. Я врубила кондиционер, и машина сдохла. Мы стояли, прибившись к обочине, — мобильных телефонов тогда не было — и тут подъехала полиция. Увидев нас, с нашими прическами, одеждой и макияжем, они просто промолчали. Машину пришлось тянуть на буксире и чинить. Я не знаю, как тогда расплатилась, потому что у меня не было при себе ни денег, ни кредитки. Но в итоге автомобиль подлатали, и я смогла доставить всю группу на встречу с Марти.

Как оказалось, поездка стоила свеч. Вскоре после этого Марти уволился из Paramount и стал администратором Dolls.

Мистеру С. совсем не нравилось, что я пропадаю в Нью-Йорке. В то время он был одним из многих, кто боялся туда наведываться. Таким людям город представлялся грязным и страшным местом со множеством опасных кварталов, где процветает преступность. Начался массовый отток белых в пригороды. На Таймс-сквер хозяйничали торговцы и проститутки, загаженный Центральный парк наводняли гопники и крысы. Город не мог содержать рабочих. Ни один человек с деньгами не сунулся бы дальше Четырнадцатой улицы. Плюсом всего этого были заброшенные здания, точно магнитом притягивавшие к себе художников, музыкантов и неформалов. Но я думаю, больше всего мистер С. бесился из-за моих отлучек в город потому, что не мог меня контролировать.

Не помню точно, как мы познакомились, — возможно, в спортивном клубе, где я работала. Я жила в комнатенке в небольшом доме, и он сказал, что готов помочь с поисками жилья в комплексе апартаментов недалеко от места, где он работал. У него был свой малярный бизнес и двое человек в подчинении. Он представил меня людям в офисе комплекса, и я сняла квартиру — милую, без изысков, но с тремя комнатами и большой ванной. Она располагалась на первом этаже, в ней были окна до самого пола, выходившие

на небольшую парковку, окаймленную деревьями. Я обожаю французские окна. Так мы подружились, а потом начали встречаться. Иногда я оставалась у него, но вскоре наши отношения стали неприятно странными. Думаю, прежние девушки плохо с ним обходились и из-за этого он стал чрезвычайно мнительным и ревнивым.

Каждое воскресенье я ездила в Патерсон к моей бабушке по папиной линии. Теперь, когда оба ее сына, мои папа и дядя, так далеко разъехались, она жила одна. Мои другие дедушка и бабушка умерли, и я считала нужным ее навещать. В одно такое воскресенье мистер С. проследил за мной. Он не верил, что я действительно еду к бабушке. Он вломился в дом, и моя восьмидесятидевятилетняя бабуля, очень благовоспитанная леди, сказала: «О, Дебби, тут, кажется, кое-кто к тебе». Он какое-то время посидел, потом сообщил, что ему пора, и ушел. Впоследствии он сказал мне: «Ты хорошая девочка, Дебби, ты хорошая девочка». Что этот придурок о себе возомнил? На этом все и закончилось. Я с ним порвала. Я пыталась сделать так, чтобы все прошло гладко, но ничего не получилось. Он названивал мне днем и ночью, в любое время, домой и на работу. Он заявлялся в парикмахерскую, где я теперь работала, поливал меня грязью и угрожал. Когда я уходила, шел за мной до дома. Это был жестокий, озлобленный человек с очень горячим темпераментом. К тому же у него имелось оружие. Я не могла спать, стала дерганой, нервы натянулись до предела. Поэтому я ездила в Нью-Йорк к Dolls — задорным и сексуальным. С ними было весело.

Сейчас я понимаю, что больше всего в их шоу меня привлекало то, что я сама хотела быть как они. Вернее, я даже хотела быть ими — просто не знала, как запустить процесс. Потому что в то время еще не было девушек, которые занимались бы тем, о чем я мечтала. Нет, конечно, девушки были: Руби Линн Рейнер, Черри Ванилла, Патти Смит (которая тогда еще только писала стихи). Но, по большому счету, они не возглавляли рок-группы.

Однажды я пошла посмотреть, как Dolls играют на втором этаже в «Максе», и за одним из столиков сидела, развалившись, та женщина. Ее звали Эльда Джентиле. У нее был сын от Эрика Эмерсона, а еще

она какое-то время жила с Сильвеном Сильвеном из Dolls. На этой сцене все друг друга знали и были в отношениях. Эльда рассказала, что у нее есть коллектив — не «группа», она подчеркнула, а именно «коллектив» — под названием Pure Garbage, который она основала вместе с Холли Вудлон. Холли была очередной суперзвездой Уорхола, гламурная актриса-трансгендер из Пуэрто-Рико. Она снималась в фильме «Мусор» вместе с Дайаной Подлевски и Джо Далесандро и подменяла Кэнди Дарлинг в спектакле по пьесе Джеки Кёртис *Vain Victory* («Тщетная победа»). Холли, Джеки и Кэнди — все получили ведущие роли в песне Лу Рида *Walk on the Wild Side*.

Они являли собой живое искусство, что в то время было мощной идеей. Холли Вудлон, Джеки Кёртис и Кэнди Дарлинг, те, кого общество изначально отвергало, стали пробивать себе путь наверх, как и все представители гей- или транс-сцены. А ее ядром был Энди Уорхол, создававший все эти фантастические картины вместе с Полом Моррисси. Еще был Дивайн со своими внебродвейскими пьесами, андеграундный театр вроде *The Theater of the Ridiculous* («Театр нелепого»), труппа *The Cockettes*, сотрудничавшая с певцом Джеймсом Сильвестром и *The Angels of Light*, приехавшими из Сан-Франциско. Все эти проекты появились в одно и то же время — связанные друг с другом и порождавшие всевозможные творческие комбинации.

В общем, мне стало очень интересно познакомиться с коллективом Эльды, и я взяла у нее номер. Где-то через неделю я позвонила ей узнать, где они будут выступать. Она вздохнула: «Ох, коллектив распался». Я поняла, что это мой шанс, и сказала: «Ого. Так давай соберем новый», — и она ответила: «Хорошо, я с тобой свяжусь». Я выждала какое-то время, снова позвонила ей, и на этот раз она сказала: «Я знаю еще одну девушку, Розанну Росс. Возможно, она захочет присоединиться, и у нас будет трио». «Здорово», — ответила я.

Итак, начались репетиции, и *The Stillettoes* постепенно стали вырисовываться: три ведущих голоса, все девушки, а бэк-вокал — исключительно мужской. В музыкальном плане это была абсолютная мешанина: немного популярного фолка, немного от герлз-бенда,

Аманда, Эльда и я... *The Stilletoes*

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

немного R&B, немного глэм-рока (все мы обожали Dolls). Людьми мы тоже были очень разными. Розанна, любительница блюза и R&B, американка итальянского происхождения из Квинса, лесбиянка и феминистка, выступала против несправедливого отношения к женщинам в обществе. Эльда, носительница кабаре-культуры, обладала ярким, громким, непредсказуемо взрывным характером. Мне больше нравились традиционные рок-композиции. На тот момент я еще понятия не имела, что собой представляю, но твердо намеревалась это выяснить. И в то самое время, когда мы запустили группу, я жила в кошмаре из-за моего преследователя и его бесконечных бомбардировок звонками.

Однажды вечером я пришла домой после смены в парикмахерской и заметила, что с чертовыми французскими окнами что-то не так. Все рычаги и замки были сломаны, так что створки не получилось бы ни захлопнуть, ни запереть. Я подумала, что ко мне забрались вору, но ничего не пропало. Каким-то образом мне все-таки удалось закрыть эти дурацкие окна — я жила на первом этаже, других вариантов не было. Потом я убедилась, что остальные окна тоже заперты. Издергалась я ужасно, но, немного успокоившись, отправилась в спальню смотреть телевизор.

В ту ночь мистер С. разбил в спальне окно и влетел в комнату так быстро, что у меня просто не было времени спрыгнуть с кровати или позвонить 911. Ярко-красное лицо и прыгающая, кривая улыбка — таким он ворвался в мой дом. Его лицо походило на маску японского демона с оскаленными клыками и выпученными глазами. И у него был пистолет... Мое сердце колотилось с тройной скоростью — а все остальное остановилось. Казалось, что комната повисла в густом бульоне, — время застыло. Он размахивал передо мной пистолетом и орал: «Где он, Дебби?! Где он?» Я сказала: «Здесь никого нет». Он с такой силой распахнул дверь шкафа, что одна из петель вылетела из паза. Потом он перевернул вверх дном остальные комнаты в поисках «другого мужчины». Не найдя никого, он вернулся в спальню. Он несколько раз ударил меня, напугав еще больше, потом еще час или около того скорчившись просидел

на кровати, всячески мне угрожая. В какой-то момент он приставил пистолет к моему лицу и попытался взять меня силой. Его угрозы стали воплощаться в жизнь.

Уходя, он бормотал что-то насчет того, что завтра починит окна. Я понимала, что нужно выбираться, и быстро. К тому времени The Stillettoes репетировали уже около месяца, и Розанна упоминала, что над ее квартирой на Томпсон-стрит на Манхэттене есть свободное жилье. Я сняла его и на всех парах сбежала из Джерси, второй раз за свою жизнь.

Я по-прежнему работала в парикмахерской и каждый день ездила туда из города. Но мистер С. продолжал звонить в салон и висеть у них на телефоне, а то и заявлялся сам и так меня терроризировал, что мой босс, Рики, которого я знала со школы, не выдержал: «Слушай, если ты его не остановишь, тебе придется уйти».

Однажды мистер С. нашел мой телефонный счет со списком нью-йоркских номеров. Он принялся звонить Эльде, остальным участникам группы и всем моим друзьям, угрожал им, пытаясь дознаться, где я. Я пошла в полицию Нью-Джерси и заявила, что меня преследуют. Я сообщила им, что он украл мою корреспонденцию, что казалось мне федеральным преступлением. Мне ответили, что ничем помочь не могут и дело не заведут, пока он на меня не напал. Этому кошмару не было видно конца.

На Западной Двадцать восьмой улице, в секции оптового цветочного рынка на Манхэттене, находилось заведение *Bobern Bar and Grill*, названное так по именам владельцев, Боба и Берни. Днем по всей округе гудели машины, но после шести вечера это место превращалось в город-призрак, населенный лишь нелегалами: амбициозные художники, актеры и дизайнеры размещались в «коммерческих» лофтах над холодильными камерами, забитыми цветами. Что-то вроде творческого рассадника. Единственным недостатком этого района было то, что завоз начинался в четыре утра. В фурах не глушили двигатели, чтобы груз не завял. Как и мусоровозы, они раздражали своим гудением и изрыгали дизельные пары на все растения в округе.

Эльда жила вместе со своим сыном Бранчем и Холли Вудлон в одном из таких необставленных лофтов. Там мы репетировали, а иногда просто ругались — не так-то просто ужиться в коллективе. Розанна ушла, ей на смену явилась Аманда Джонс. Наша аккомпанирующая группа постоянно менялась в зависимости от того, кто был свободен: Томми и Джимми Уинбрандт из Майами, Янг Блад из The Magic Tramps, Марки Рамон и Тимоти Джексон, кудрявый блондин, который именовал себя Тотом и всегда делал макияж в египетском стиле с оком Гора.

Наконец мы достаточно притерлись, чтобы отыграть в Voburn. Фактически это была вечеринка с очень дешевыми входными билетами, потому что все гости были лично приглашены и друг друга знали. Мы играли в задней части бара, где стоял бильярдный стол. Холли Вудлон отвечала за освещение: забравшись на стойку, она держала прожектор с красным фильтром так высоко, как только могла. Не знаю, сколько человек набилось тогда в помещение — от тридцати до пятидесяти, наверное, но меня парализовало от страха сцены. Я не могла смотреть на публику. Однако был там один парень, чье лицо пряталось в тени — свет падал ему на затылок. Почему-то мне понравилось адресовать все свои песни этому человеку в полумраке. Я не видела его, но чувствовала его присутствие. Ощущала, как он на меня смотрит. Петь песни силуэту — дико, конечно. Но я не могла больше никуда смотреть; меня тянуло к нему, как магнитом, осязаемое психическое притяжение.

После концерта мы, три девушки, пошли вниз по лестнице в «гримерную», чтобы немного отдышаться, и там я познакомилась с Крисом. Эльда пригласила его, он пришел со своей девушкой Эльвирой, которая до этого встречалась с Билли Мурсией, первым ударником Dolls. У Криса были длинные волосы, глаза обведены карандашом — образ с оттенком потрепанного гламура, привет из блестящих, пахнущих пачулями времен, когда мужчины носили макияж и спандекс. Девушка, одетая в длинное платье, была ему под стать. В своем длинном пуловере в серебристых блестках

с V-образным вырезом и белой юбке, с темно-русыми короткими волосами я, наверное, выглядела как с провинциального старомодного фуршета. Но в том подвальчике было довольно темно. По большей части я смотрела в его удивительные глаза.

Вскоре — Крис утверждает, что на следующий день, — пришлось заменить одного музыканта, и Крис пришел к нам басистом. И остался. Это послужило началом нашего музыкального творчества и нашей дружбы. Мне нравилось, как он играет, двигается и выглядит. Он вел себя расслабленно, мы смеялись над одним и тем же, и вместе нам было весело. Он не был ни мачо, ни ревнивцем. Но поначалу мы только дружили. Мы не спешили. После недавних отношений я твердо решила быть независимой. Как говорил отец, пока я жила дома: «Да в тебе независимости на двоих». Такой я и была — и твердо намеревалась остаться.

Мистер С. не сдавался. Вел он себя очень агрессивно. Полагаю, что все преследователи агрессивны по природе, но мистер С. в этом особенно преуспел. Он не оставлял попыток и звонил всем моим знакомым. Я уже не столько боялась, сколько устала. И однажды вечером, когда я была дома у Криса, задребезжал телефон. Конечно, мистер С. Крис поднял трубку и жестко ответил — не помню, что именно, но, стоило С. услышать мужской голос, как он перестал меня донимать. В то время мы с Крисом не встречались, но сразу же после этого звонка наши отношения перешли на новый уровень. И не прекращались на протяжении тринадцати лет. Я и не думала, что это случится. А все оказалось так просто.

У The Stilletoes был режиссер, Тони Инграссиа. Обычно у групп нет театрального режиссера, а вот нам повезло. Тони работал и в андеграундных, и в обычных театрах, а еще сам играл на сцене и писал пьесы. Он поставил пьесу Pork («Свинина») Энди Уорхола и написал и срежиссировал пьесу Fame («Слава») на Бродвее. У него были связи в MainMan, менеджменте Дэвида Боуи, — они работали в самых разных жанрах, чем опережали свое время. Тони поставил свой вариант пьесы Джеки Кёртис Vain Victory, в которой мы с Эльдой получили роли. Эльда участвовала и в других проектах Тони.

Розанна помогла мне снять квартиру в ее доме на Томпсон-стрит, и оказалось, что на верхнем этаже живет Тони.

Думаю, он заинтересовался группой, потому что они с Розанной дружили, и он мог сам себя пригласить на репетицию. И вот он уже наш музыкальный руководитель, стилист, хореограф и много кто еще. Тони требовал, чтобы мы посвящали сцене все наше внимание и энергию. Он работал с нами так, будто мы были нерадивыми маленькими девочками из католической школы. Настоящий надсмотрщик — кнут так и щелкал.

Тони верил в систему Станиславского и горячо ее поддерживал. Этот метод (его применяли мои любимые актеры, в числе которых Шелли Уинтерс, Марлон Брандо, Джеймс Дин, Джули Харрис, Роберт де Ниро, Мерил Стрип, Кейт Уинслет, Джонни Депп и Дэниел Дэй-Льюис) требовал от актера эмоциональной и умственной вовлеченности, а не только формальной декламации. Порой Тони не оставлял от нас мокрого места, заставляя снова и снова повторять одну и ту же песню. Это было не просто тяжело для связок, от нас еще требовалось привнести в текст чувства, наподобие такого, с каким Брандо кричал: «СТЕЛЛА!»* Вот чего Тони от нас добивался, и мы изо всех сил старались ему угодить.

Сейчас я убеждена, что музыкальные репетиции по методу Станиславского — лучшее, что со мной могло случиться, и они стоили всей боли в горле.

Когда поешь не свой текст, актерское мастерство дает преимущество над теми, чье выступление основано исключительно на выверенной вокальной технике. Как бы хороша ни была техника, только с ней новых горизонтов не откроешь. Актерское мастерство позволяет выйти за ее рамки. Тони, человек-скандал, бесконечно нас развлекал и передавал нам важные знания. Во всех смыслах экстраординарная личность, он умер от остановки сердца, когда ему был пятьдесят один год. Тони, где бы ты ни был, крепко тебя обнимаю.

* В сцене из фильма «Трамвай “Желание”» (1951).

Джоан Джетт и я. Настоящие девушки андеграунда

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Мы отыграли в местных барах серию небольших концертов, очень коротких. Денег мы этим не зарабатывали, зато веселились от души. Мы играли множество каверов, но было у нас и несколько своих песен, для которых Эльда писала китчевые тексты: *Dracula*, *What Did You Do to My Mother?* и *Wednesday Panties*. У нас было самое дряхлое оборудование и самые безбашенные зрители — частично благодаря влиянию Холли и всех знакомых Эрика Эмерсона, то есть всех причастных к сцене. Мы играли в «Клубе 82», знаменитом баре на Восточной Четвертой улице, между Второй авеню и Бауэри. Им заправляла лесбийская пара, Бутч и Томми, и от этого места исходил шарм тайного мира пятидесятых, когда, по слухам, баром владела мафия и туда ходили все знаменитости. Внутри было сплошное черное дерево, диванчики, зеркальные стены и подписанные черно-белые фотографии восемь на десять Эбботта и Костелло* и других прохвостов шоу-бизнеса. Я помню, как на одно из наших выступлений пришел Дэвид Боуи.

Мы играли на разогреве у *Television* в клубе *CBGB*. Марти Тау, менеджер *Dolls*, был там однажды и сказал кому-то, что его очаровал мой образ, но что при этом на сцене я вела себя как-то тихо. Моя роль в группе заключалась в том, чтобы быть относительно разумным участником и все разруливать — видимо, на сцене это и выглядело «тихо». Со временем я переросла этот имидж. Но, как почти во всех группах, в какой-то момент разногласия достигли критической точки и мирно разрешить спор не получилось. Так что мы с Крисом ушли. Я по-прежнему хотела делать то же, что и *Dolls*, но без Криса я никогда не преуспела бы. Наш союз держался на уважении, психической совместимости и доверии, а также глубочайшем взаимопонимании. У нас были похожие вкусы, а там, где они не совпадали, мы обычно находили творческий способ их совместить.

Когда мы вышли из *The Stillettoes*, Фред Смит и Билли О'Коннор, басист и барабанщик, потянулись за нами. Через несколько недель

мы устроили свое первое шоу и назвались Angel and the Snake («Ангел и Змея»). На это название нас вдохновила картинка, которую Крис увидел в журнале. На ней была девочка, которая, по его мнению, отдаленно напоминала меня, со змеей. Мы играли на разогреве у Ramones в CBGB. Тремя неделями позже мы снова выступали в CBGB с Ramones и нашим вторым шоу. Оказалось, что это был последний концерт Angel and the Snake. Потом мы стали Blondie and the Banzai Babies.

Я не помню, кто из нас придумал название Banzai Babies. И Крис, и я — мы оба увлекались японской поп-культурой. Blondie — ну, тут понятно: я снова обесцветила волосы. И когда я шла по улице, рабочие и водители грузовиков орали мне вслед: «Эй, Блонди!» В тридцатых годах это был популярный персонаж комиксов, девочка-модница, глупая блондинка, которая в итоге оказывалась умнее всех остальных. Отлично, я могла сыграть эту роль на сцене — хорошее начало. Но на самом деле за нашими проектами не стояло никакой великой идеи. Мы просто делали то, что нам нравилось, и все постепенно продвигалось.

Вначале у нас были бэк-вокалистки, Джулия и Джеки, обе, как и я, блондинки, пока Джеки не перекрасилась в каштановый. Это выбивалось из образа, поэтому мы привлекли Тиш и Снуки Белломо, дуэт, выступление которого я увидела на сцене Amato Opera House напротив CBGB. Они играли в одном эксцентричном водевиле с дрэг-квин* и театральными маргиналами. Горилла Роуз и Томата дю Пленти из The Screamers как-то выступали перед нами на разогреве и представили нас девушкам. Я спросила, не хотят ли они прийти на репетицию и петь с нами. Потому что они были сестры, чертовски гармоничны, я влюбилась в их волосы и одежду и подумала, что нам стоит объединиться.

Тиш и Снуки держали магазинчик на Сент-Маркс-плейс, известный как Manic Panic. Они скупали старые платья сороковых и пятидесятых. Одежду доставляли связанной в огромные растрепанные

* Мужчины, часто артисты, которые перевоплощаются в женщин с помощью одежды и макияжа, создавая яркие и утрированно женственные образы.

тьюки, сестры просто раскидывали ее на полу, а люди приходили и копались в ней. С деньгами у нас всех было туго, и мы могли покупать только подержанные вещи, самые сексуальные и экстравагантные из всех возможных. Помню, как один раз Тиш и Снуки пришли с тремя парами брюк галифе для верховой езды, которые они откопали в одном комиссионном магазине в Бронксе, — в них мы и выходили на сцену. А иногда мы одевались очень гламурно: длинные платья, туфли на шпильках и меховые боа. У нас были всевозможные виды костюмов и аксессуаров.

Мы выдавали шумный девичий рок на три голоса, как в песне *Out in the Streets* группы *The Shangri-Las*. Мы исполняли кавер на *Fun Fun Fun* группы *Beach Boys* в выпускных платьях, которые в конце номера разрывали — а под ними оказывались винтажные купальники. Мы творили свою музыку, рок, смешанный с песнями в стиле диско, вроде *Lady Marmalade*, которую исполняли *Labelle*. Мне хотелось вернуть в рок танцы. Для меня было важно двигаться под музыку, да и когда все только начиналось, рок-н-ролл был неотделим от танцев. В маленьком городке, где я выросла, устраивали зажигательные танцы, и я их обожала. Когда все слушали АМ-радио, по нему передавали танцевальную музыку, но потом пришло FM, и танцевать под рок стало не круто, по крайней мере в Нью-Йорке. И в середине семидесятых почти никто не записывал ретро-композиции, которыми мы занимались. Мы запустили новую волну в южной части города, которая стала связующим звеном между блестящим гламуром и панком. Мы с Крисом написали несколько песен: *Platinum Blonde*, *Rip Her to Shreds*, *Little Girl Lies*, *Giant Bats from Space*. Позднее *bats* (летучие мыши) превратились в *giant ants* (гигантских муравьев).

Где мы только не играли: *CBGB*, *Performance Studio*, *Max's*, *White's*, где я работала официанткой. Многие благовоспитанные бизнесмены ходили в *White's* пропустить стаканчик после работы. Однажды посреди песни мы запустили «паровозик», и никто из тех, кто пришел в деловых костюмах, в стороне не остался. На окраине мы играли в местечке под названием *Brandi's* и попросили

Ramones выступить у нас на разогреве. Но владельцы заведения их терпеть не могли. Когда те начали петь Now I Wanna Sniff Some Glue*, им велели уйти и больше никогда не возвращаться. А нас они любили, потому что мы же были милыми девушками — безобидными. Ха!

Мы продолжали выступать и экспериментировать в том же духе и через некоторое время стали называться просто Blondie.

* А теперь я хочу понюхать клей (*англ.*).